

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА СЕГЮРА.

КАМПАНИЯ 1806 ГОДА.

IX (*).

Ночное дѣло на р. Вкрѣ при Чарновѣ.—Взятіе въ плѣнъ Сегюра при Насельскѣ казаками во время отступленія дивизіи графа Остермана.

Я получилъ въ Берлинѣ, говоритъ Сегюръ, приказаніе опредѣлить Наполеона нѣсколькими днями сперва въ Познани, а потомъ въ Варшавѣ. Хотя я не имѣлъ никакого политическаго порученія, но прїѣздъ въ эти два города офицера, состоящаго при особѣ императора, и устройство здѣсь императорской главной квартиры, которую я командовалъ, произвели большое впечатлѣніе. Будучи обворожень живымъ и блестящимъ умомъ, патріотическимъ и рыцарскимъ энтузіазмомъ дворянства этой страны, я увлекся полной сочувствія встрѣчей этихъ пламенныхъ и открытыхъ сердець; я присутствовалъ на нѣсколькихъ собраніяхъ; тамъ, не смотря на свою сдержанность, какъ лица, состоявшаго при Наполеонѣ, я участвовалъ въ радостяхъ и надеждахъ этого народа, мечтавшаго объ иной участи.

Императоръ неожиданно и почти одинъ вѣхалъ въ Варшаву въ ночь съ 6-го (18-го) на 7-е (19-е) декабря. 11-го (23-го) декабря, до разсвѣта, я послѣдовалъ за нимъ въ главную квартиру Даву, къ берегамъ Нарева. Онъ прибылъ туда около десяти часовъ утра (**), и тотчасъ же, полный нетерпѣнія снова предаться обычнымъ боевымъ тревогамъ, переправился черезъ рѣку и полетѣлъ къ аванпостамъ на Вкрѣ. Здѣсь онъ то верхомъ, то пѣшкомъ, иногда даже съ крыши домовъ, изучалъ позиціи, занимаемыя непріятельскими и нашими

(*) См. «Военный Сборникъ» 1874 г., №№ 1, 2 и 3 и 1875 г. № 6.

(**) Наполеонъ остановился 11-го (23-го) декабря въ деревнѣ *Окуминь*, на лѣвомъ берегу Нарева, расположенной въ настоящее время впереди Новождворскаго укрѣпленія Новогеоргіевской крѣпости.

войсками (*). Онъ до такой степени ознакомился съ положеніемъ обѣихъ сторонъ, что, возвратившись въ лагерь Даву, лично продиктовалъ столь подробную програму предполагаемой атаки, что это казалось бы невѣроятнымъ, если бы бумага не сохранилась до настоящаго времени. Сумерни были избраны для начала атаки. Пожаръ одного изъ домовъ долженъ былъ служить сигналомъ для атаки (**). Все было предначертанно: не только составъ, расположеніе и направленіе колоннъ и резервовъ, предназначенныхъ для атаки, но не были забыты и мелкія части: въ диспозиціи упоминались полубатареи, стрѣлковыя роты и малые навалерійскіе пикеты; указаны выборъ мѣстъ и средствъ для переправы, способъ дѣйствій для каждаго рода оружія, смотря по свойствамъ мѣстности и предполагаемому сопротивленію и т. п. Таковы были распоряженія Наполеона относительно фронтальной атаки; къ нимъ онъ присоединилъ еще другія для двухъ одновременныхъ фланговыхъ атакъ; онъ даже хотѣлъ, съ первыхъ выстрѣловъ, приказать зажечь мокрыя кипы соломы передъ правымъ неприятельскимъ флангомъ, чтобы привлечь вниманіе противника густымъ дымомъ отъ этихъ костровъ.

Необыкновенная заботливость, обнаруженная въ этомъ дѣлѣ Наполеономъ, заставила думать въ штабѣ Даву, что императоръ хотѣлъ оказать особую честь войскамъ, одержавшимъ побѣду подъ Ауэрштедтемъ, лично принявъ надъ ними начальство. Это очень можетъ быть; но, тѣмъ не менѣе, въ этой заботливости слѣдуетъ видѣть примѣръ тѣхъ предосторожностей, съ которыми должны быть связаны приготовленія къ военному нападенію (***). Въ самомъ дѣлѣ; въ подобномъ бою все должно быть предусмотрено, ибо, какъ только дѣло начато, имъ руководить уже невозможно. Благодаря предусмотрительности Наполеона, успѣхъ увѣнчалъ это предпріятіе, не смотря на пересѣченную мѣстность, усиленную укрѣпленіями, и не смотря на

(*) Наполеонъ высматривалъ расположеніе русскихъ войскъ также съ колокольной селенія *Горы*, находящагося на лѣвомъ берегу Нарва, впереди деревни Окунина, противъ устья р. Вкры. Н. Ш.

(**) Сигналомъ для атаки долженъ былъ служить пожаръ въ д. *Помьховъ*. Въ четыре часа пополудни французы зажгли эту деревню и черезъ часъ открыли артиллерійскій огонь. Когда смеркалось, французы двинулись въ атаку. Н. Ш.

(***) Слѣдуетъ замѣтить слѣдующимъ образомъ о заботливости Наполеона, вышедшей изъ предосторожностей, предшествовавшихъ дѣлу 11-го (23-го) декабря.

Этотъ планъ былъ одобренъ императоромъ, который, по мнѣнію некоторыхъ критиковъ, хотя и направлялъ армію въ 300,000 человекъ, но не умѣлъ вести въ огонь бригады, принялся лично за рекогносцировку неприятельскихъ позицій и входилъ въ частности расположенія на мѣстности даже стрѣлковыхъ ротъ. Н. Ш.

искусную и упорную защиту, выказанную со стороны Остермана. Это столкновение стоило намъ около тысячи человекъ; непріятель понесъ двойную потерю (??) и отступилъ къ Насельсону (*).

Въ понесенной нами потерѣ замѣтили несоразмѣрно большую убыль въ офицерахъ; это объясняется необходимостью, которая побуждаетъ офицеровъ въ ночномъ бою идти впереди солдатъ, чтобы ихъ руководить, ободрять и знакомиться съ препятствіями, которыя приходится преодолевать. Самъ императоръ избралъ для своей главной квартиры избу подъ русскими выстрѣлами. Онъ хотѣлъ слѣдить за боемъ въ той же мѣрѣ, какъ и за всѣми распоряженіями. Разославъ насъ по разнымъ пунктамъ, которые предстояло атаковать, онъ успѣлъ только по полученіи отъ насъ свѣдѣній, что успѣхъ предприятия обезпеченъ за нами.

Было одиннадцать часовъ вечера, когда я вернулся съ моимъ доносеніемъ. Я увидѣлъ Наполеона, какъ подъ Іеною, лежащимъ на

(*) Для поясненія разсказа Сегюра о дѣлѣ 11-го (23-го) декабря, представимъ здѣсь нѣкоторые дополнительные свѣдѣнія ночной атаки на р. Вкръ или дѣла при Чарновѣ, происшедшей на мѣстности, составляющей нынѣ ближайшія окрестности Новогеоргиевской крѣпости. Позицію на Вкрѣ, близъ впаденія ея въ Наревъ, впереди селенія Чарнова, занималъ 5,000-й отрядъ графа Остермана, въ составѣ семи баталіоновъ, четырехъ эскадроновъ и одного казачья полка, при 18 орудіяхъ. Эта горсть русскихъ войскъ была атакована дивизіями Морана и Гюдена (корпуса Даву), поддержанной дивизіею Фриана (того же корпуса), корпусомъ Ланна и гвардіею, всего въ числѣ до 40,000 человекъ. Бой начался въ четыре часа пополудни и продолжался до четырехъ часовъ слѣдующаго утра. Русскіе держались на позиціи съ упорствомъ и отразили четыре нападенія, направленные противъ нихъ французами. Графъ Остерманъ приказалъ отступать только тогда, когда убѣдился въ огромномъ превосходствѣ атакующихъ его непріятельскихъ силъ; съ разсвѣтомъ же Наполеонъ, замѣтивъ малочисленность русскаго отряда, легко могъ уничтожить его.

Упорное сопротивленіе, выказанное графомъ Остерманомъ при Чарновѣ и продолжавшееся болѣе десяти часовъ, имѣло важныя послѣдствія, лишивъ французовъ возможности предупредить Бенигсена у Пултуска и отрѣзать его отъ переправы черезъ Наревъ.

Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ убитыми: 4 офицеровъ и 315 нижнихъ чиновъ; ранены были 3 генерала, 34 штабъ и оберъ-офицеровъ и до 500 нижнихъ чиновъ. Французы принимаютъ свою потерю въ 850 человекъ, но, по всей вѣроятности, при атакѣ занятой нами сильной позиціи лишились большаго числа людей.

Цифра потерь, на которыя указываетъ Тьеръ въ «Исторіи Консульства и Имперіи», едва-ли вѣрны. «Русскіе потеряли, говоритъ онъ, около 1,800 человекъ убитыми, ранеными и плѣнными и множество артилеріи. Мы же съ своей стороны лишились 800 раненыхъ и около 100 человекъ убитыми». Замѣчаніе Тьера касательно орудій, захваченныхъ, будто бы, у насъ французами, въ особенности невѣрно. Русскія войска не потеряли въ этомъ дѣлѣ ни одного орудія и отступили въ совершенномъ порядкѣ, не будучи даже преслѣдуемы непріателемъ.

Н. Ш.

бѣдной постели, которую онъ нашелъ въ этой хижинѣ. Доложилъ ему о ходѣ атаки нашего лѣваго фланга, я извинился за позднее донесеніе, сообщивъ, что извинился лошади, убитой при наступательномъ движеніи русскихъ противъ 12-го линейнаго полка, и принужденъ былъ возвратиться пѣшкомъ. Императоръ приподнялъ голову и дважды повторилъ съ живостью: «какъ, неужели ваша лошадь уби-та подъ вами». Я покинулъ его удивленный и благодарный за это доказательство выраженнаго ко мнѣ участія. Четыре дня передъ тѣмъ, онъ приказалъ мнѣ исполнять при немъ должность адъютанта: Утвердило-ли его случившееся происшествіе въ этомъ намѣреніи? По крайней мѣрѣ, я смѣлъ на это надѣяться. Какъ бы то ни было, несчастье разлучило меня съ нимъ на слѣдующій день и отсрочило на шесть лѣтъ это лестное для меня назначеніе.

Я не могу рѣшиться пройти здѣсь молчаніемъ того обстоятельства, воспоминаніе о которомъ трогаетъ меня до сихъ поръ. Выше сказано, что при ночной атакѣ на Вуръ 11-го (23-го) декабря, я былъ сбитъ съ коня. Моя лошадь была ранена ядромъ въ грудь; кровь хлынула ручьемъ, и такъ какъ бѣдный конь не могъ болѣе держаться на ногахъ, я принужденъ былъ повинуть его и унести на своихъ плечахъ сѣдло и сбрую. Пройдя шаговъ сто, до перваго нашего поста, я смѣлъ отдохнуть передъ разложеннымъ огнемъ, не мало горюя о потерѣ своего коня; въ это время я услышалъ жалобные стоны и почувствовалъ неожиданный толчокъ, заставившій меня обернуться. Это была несчастная лошадь, которая, не смотря на дальнее разстояніе и на темноту, притащилась по моимъ слѣдамъ; узнавъ меня при свѣтѣ бивачнаго огня, она положила, издавая стоны, свою голову на мое плечо. Я не могъ не прослезиться при этомъ послѣднемъ доказательствѣ привязанности. Я поласкалъ коня, но онъ, истекая кровью и изнемогая отъ усилія слѣдовать за мной, бился нѣсколько мгновеній и, наконецъ, упалъ безъ дыханія, окруженный нашими удивленными и тронутыми солдатами!

Несчастье, какъ извѣстно, никогда не приходитъ одно. Въ этотъ день меня ожидалъ длинный рядъ приключеній. Покинувъ убогое помѣщеніе императора, я вошелъ въ какой-то узкій проходъ, устланный соломой, представлявшій единственное убѣжище, существовавшее еще въ этой хижинѣ. Пьемонтскій офицеръ, впоследствии очень отличившійся, заснулъ тамъ; внезапно проснувшись, онъ сталъ бранить меня, самъ не зная за что; а когда опомнился, то изъ упрямства продолжалъ тоже самое, такъ что я долженъ былъ назначить ему слѣдующій день для развязки этой ссоры оружіемъ.

До этихъ не кончились мои испытанія. На другой день, временно разлученный съ своимъ противникомъ, я, согласно диспозиціи, отправился съ генераломъ Рааномъ, командовавшимъ кавалерією авангарда. Вскорѣ, подойдя къ Насельску, мы увидѣли непріятеля, прикрытаго лѣсомъ на противоположной сторонѣ долины, въ которой лежитъ этотъ городъ. Послѣ первыхъ нашихъ картечныхъ выстрѣловъ, непріятельская линія была прорвана; я предложилъ Раану пустить въ атаку одинъ изъ его полковъ, чтобы воспрепятствовать русскимъ соединиться. Раанъ одобрилъ мое предложеніе и просилъ меня привести его въ исполненіе.

Я началъ атаку съ лѣвой стороны города 1-мъ конно-егерскимъ полкомъ, подъ командою Эксельмана, и окончилъ 12-мъ драгунскимъ, когда Эксельманъ былъ привлеченъ вправо атакой изъ Насельска. Но полковникъ 12-го полка слишкомъ увлекся. Въмѣсто того, чтобы держаться долины, уже очищенной отъ непріятеля, онъ, въ пылу преслѣдованія, зашелъ въ лѣсъ, которымъ она кончается. Я встрѣтился тамъ съ нимъ и разъяснилъ ему сдѣланную имъ неосторожность; она была весьма велика. Положеніе наше въ лѣсу было не завидное, такъ что выйти изъ него мы не могли иначе, какъ по одиночѣ, согнувшись на лошадяхъ, причемъ каски драгунъ цѣплялись за вѣтви.

Было уже время; разсѣянныя непріятельскія части стали собираться группами на окраинѣ лѣса, чтобы стрѣлять въ насъ по мѣрѣ того, какъ мы станемъ выходить изъ этой западни. Я, находясь въ двадцать пятомъ номерѣ, вышелъ невредимымъ изъ подъ ихъ огня. Собравъ людей, я, для облегченія выхода остальныхъ, тотчасъ же опротивилъ ближайшую непріятельскую часть. Но, спасая этимъ полкъ, я погубилъ себя, и случилось это вслѣдствіе той же ошибкѣ, за которую я осудилъ полкового командира.

Здѣсь необходимо замѣтить, что съ противоположной намъ стороны Насельска расходятся вѣромъ три большія дороги. Одна изъ нихъ, лѣвая, направляется къ сѣверо-западу, къ Новемясто; средняя, идущая нѣсколько сѣвернѣе, въ Вирайки; правая, имѣющая сѣверо-восточное направленіе, къ Стрегочину. Эта послѣдняя дорога представляла путь отступленія Остермана. Болотистая рѣчка и оронечность лѣса, спускающагося съ сѣвера къ Насельску, отдѣляли ее отъ дороги въ Вирайки. Въ нижеслѣдующемъ приключеніи эти двѣ послѣднія дороги и раздѣляющее ихъ пространство должны быть приняты во вниманіе.

До сихъ поръ маневръ, который я совѣтывалъ предпринять, и приведенный мною въ исполненіе, вполнѣ удался. Разъединенныя части

неприятельской кавалеріи не могли соединиться; одни бѣжали влѣво, по дорогамъ въ Новеясто и Вирзники; генераль же, съ большою частью командуемой имъ дивизіи, отступалъ вправо по дорогѣ въ Стрегочинъ. Что же касается до насъ, то мы очутились между ними въ тылу Насельска, который въ это время атаковали съ фронта Раанъ и Эгсельманъ. Оставалось только воспользоваться этимъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, направивъ сообща все усилія противъ города и арьергарда Остермана. 12-й драгунскій полкъ, освобожденный изъ лѣса произведеннымъ мною натискомъ, не упустилъ изъ виду представившейся ему атаки. Только я одинъ остался въ сторонѣ со заводомъ, который увлекъ за собою.

Первоначальный натискъ нашъ противъ бѣжавшихъ гусаровъ былъ столь стремителенъ, что, преслѣдуя ихъ въ лѣсу, на дорогѣ въ Вирзники, я оказался окруженнымъ неприятелемъ. Въ это время на меня наскочилъ русскій гусарь, съ которымъ я, къ сожалѣнію, вступилъ въ состязаніе и, увлекшись преслѣдованіемъ, углубился далеко въ лѣсъ, пока не настигъ его и не сбилъ съ лошади.

Вполнѣ сознаю, что это была съ моей стороны ошибка и неумѣстное увлеченіе. Я вскорѣ въ этомъ убѣдился, видя себя одинокимъ, вдали отъ своихъ, затеряннымъ между высокими елями, среди безмолвной тишины, прерываемой только движеніемъ русскихъ разсѣянныхъ частей. Я видѣлъ, какъ одиночные люди пробирались между деревьями по обѣимъ сторонамъ большой дороги; къ счастью, они были на столько разстроены пораженіемъ, что позволили мнѣ повернуть назадъ и присоединиться къ тѣмъ немногимъ драгунамъ, которые, слѣдуя за мною, неосторожно направились по этой дорогѣ.

Драгуны начали уже обратное движеніе; двое изъ ихъ офицеровъ, находясь въ полнѣйшемъ заблужденіи относительно своего положенія, и совершенно не сознавая грозившей имъ опасности, ѣхали медленнымъ шагомъ, разсуждая между собою какъ въ мирное время, не думая даже соединить слабый заводъ, которымъ они командовали. Они не обратили никакого вниманія на мои представленія, ни даже на замѣчанія своихъ унтеръ-офицеровъ, которые указали намъ на неприятельскій отрядъ, состоявшій изъ разныхъ родовъ оружія и преграждавшій намъ выходъ изъ лѣса позади Насельска, готовясь воспрепятствовать намъ дебушированію въ долину.

Очевидно, намъ оставалась только одна надежда—это выйти отсюда съ помощію стремительной атаки, т. е. такъ же, какъ мы вошли; но эти офицеры, изъ которыхъ одинъ былъ сынъ террориста, приносившій намъ, какъ я замѣтилъ, несчастіе, совершенно потеряли способ-

ность соображать. Исполненные упрямства, они, казалось, сами шли на опасность, отмѣченные рокомъ, какъ были, съ красными отмѣтками, которыхъ ведутъ на бойню. Тогда я обратился къ драгунамъ, но уже было поздно. Уже передовые наткнулись на неприятеля, были отброшены имъ и бросились влѣво по болотистой равнинѣ, упиравшейся въ глубокія канавы. Не смотря на мои крики и проклятія, они увлекли за собою своихъ офицеровъ; оставившись одинъ на дорогѣ, я былъ вынужденъ слѣдовать за ними по этимъ дефилеямъ.

Тамъ, окруженные и поражаемые въ упоръ, они были послѣдовательно перебиты, не имѣя даже возможности защищаться. Я видѣлъ, какъ эти несчастные соскочили съ лошадей и бросили сабли, желая этимъ выказать намѣреніе сдаться. Не смотря на то, всѣ погибли, за исключеніемъ только трехъ драгуновъ, которыхъ мнѣ удалось собрать вокругъ себя. Тогда, пустившись обратно въ бѣгство по болоту и перескочивъ черезъ канаву, мы бросились всѣ четверо по тропинкѣ лѣса, отдѣляющаго дороги, ведущія въ Вирвики и Стрегочинъ. Сначала намъ показалось, что эта тропинка направляется на наши выстрѣлы, и хотя для соединенія съ нашей арміей намъ предстояло перейти черезъ неприятельскій арьергардъ, все еще занимавшій Насельскъ, но мы не теряли надежды на спасеніе.

Однако, вскорѣ я убѣдился, что эта роговая тропинка отклонялась влѣво и удаляла насъ отъ Насельска. Между тѣмъ, необходимость заставляла слѣдовать по ней, ускоряя притомъ бѣгство, такъ какъ свави раздавались уже дикіе крики преслѣдовавшей насъ съ остервененіемъ толпы татаръ. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились внѣ лѣса, на дорогѣ въ Стрегочинъ. Она была покрыта отступающими войсками. При видѣ ихъ, мои драгуны въ порывѣ радости вскрикнули: «Вотъ наши! мы спасены!» — «Скажите потеряны, отвѣтилъ я. Это неприятель; мы находимся среди русской арміи! Теперь остается только одинъ исходъ! Настигнемъ первыхъ отсталыхъ неприятельскихъ солдатъ, возьмемъ ихъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сданимся имъ; это единственное средство». Замѣтивъ въ тоже мгновеніе одинокаго пѣхотинца, я бросился на него; между тѣмъ, онъ, залегши въ ровъ, прицѣлился въ меня.

Признаюсь, въ эту минуту отчаянія я опустил саблю и открылъ грудь подъ выстрѣлъ, желая освободить себя отъ невыносимаго положенія. Но... ружье осклосъ!

Итакъ, смерть не нуждалась во мнѣ; это навело меня снова на первоначальную мысль. Не будучи въ состояніи поразить этого солдата, и преслѣдуемый ревомъ калмыковъ, уже приближавшихся къ

намъ, я бросилъ его и напалъ на одного испуганнаго казака, подскочивъ къ нему съ лѣвой стороны, и требуя, чтобы онъ сдался. Но этотъ послѣдній, находясь въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ своихъ, и замѣтивъ, что я доведываюсь отраженіемъ его ударовъ, и только угрожаю ему оружіемъ, нисколько его не поражая, продолжалъ бѣгство и скакалъ рядомъ со мною, умножая, однако, при этомъ свои удары пигой; одинъ изъ нихъ поразилъ меня, наконецъ, въ правый бокъ.

Будучи раненъ и лишень поддержки драгуновъ, которые или не появились меня, или же не могли непосредственно слѣдовать за мною на своихъ измученныхъ коняхъ, я измѣнилъ свои намѣренія. Въ эту минуту мы находились вблизи отступавшей дивизіи графа Остермана (*). Приближалась ночь: лѣсъ окаймлялъ лѣвую сторону дороги. «Въ лѣсъ! закричалъ я моимъ бѣднымъ товарищамъ, скроемся въ немъ, пока нашъ авангардъ не выручитъ насъ».

Минутой ранѣе, эта мысль можетъ быть спасла бы насъ. Но опять было слишкомъ поздно. Враги, замѣтивъ наше намѣреніе, бросились стремглавъ между лѣсомъ и нами, и вскорѣ настигли насъ. Это была толпа ужасныхъ калмыковъ и нерегулярныхъ казаковъ, челоуѣкъ въ сорокъ (**). Одинъ изъ драгуновъ былъ смертельно раненъ, другому проткнули обѣ щеки ударомъ пики, и мнѣ неизвѣстно, остался ли онъ живъ; третій былъ взятъ въ плѣнъ, не будучи даже раненъ, и это его такъ обрадовало, что выразившееся на лицѣ его удовольствіе заставило меня улынуться; впрочемъ, все это я припомнилъ впоследствии, такъ какъ въ то время я былъ слишкомъ озабоченъ другими мыслями.

Человѣкъ пятнадцать этихъ дикарей напали на меня. Одинъ изъ нихъ, болѣе ловкій, ранилъ меня въ шею копьемъ и повалилъ на землю. Я тотчасъ вскочилъ, и ограждая себя лошадыю, выигралъ такимъ образомъ нѣсколько мгновеній; однако, одинъ изъ калмыковъ вырвалъ у меня саблю и показалъ ее прочимъ; она была окровавленная, и потому ярость ихъ еще болѣе увеличилась; участь моя, казалось, была рѣшена, какъ вдругъ я замѣтилъ ихъ командира. Это былъ красивый, высокій донской казакъ, съ азіятскими чертами лица; его благородное лицо оставалось спокойнымъ; казалось, что онъ не одобрялъ убійства побѣжденнаго и обезоруженнаго врага. «Не коли»,

(*) Это была часть 2-й дивизіи графа Остермана изъ корпуса Беннгсена, отступавшей отъ Вкры черезъ Насельскъ на Стрегочинъ. *Н. Ш.*

(**) Интересно бы знать, какихъ казаковъ графъ Сегюръ признаетъ регулярными. Вообще онъ казаковъ называетъ то татарами, то калмыками, полагая, вѣроятно, что между ними не существуетъ различія. *Н. Ш.*

сказалъ онъ, обращаясь къ этимъ бѣшеннымъ, которые, не слушая его, продолжали свои истязанія.

Мнѣ неизвѣстно было значеніе этого русскаго слова; но, тѣмъ не менѣе, я угадалъ его смыслъ и тотчасъ же сталъ повелительно повторять сряду нѣсколько разъ «не коли» (*). Дѣйствіе этого слова въ моихъ устахъ было волшебное. Свирѣпыя лица калмыковъ выразили сильное удивленіе, будучи поражены знакомствомъ моимъ съ русскимъ языкомъ; они мгновенно прекратили нападеніе! Этому слову я обязанъ жизнью... Но я еще не достигъ конца своихъ истязаній.

Страсть къ добычѣ замѣнила прежнее кровожадное звѣрство. Тогда всѣ, наперерывъ, бросились на меня, сорвали мою одежду, каждый таская меня въ свою сторону, поднимая меня на воздухъ, сбрасывая и снова поднимая. Они оставили меня въ покоѣ только тогда, когда я очутился голымъ; тогда между ними начался споръ изъ-за захваченныхъ вещей. Мои эполеты по чину эскадроннаго командира возбудили въ особенности ихъ алчность. Ихъ начальнигъ не принималъ участія въ грабежѣ; онъ приказалъ даже оставить мнѣ изорванную и оровоенную рубашку, какъ послѣднюю необходимую одежду.

Я полагалъ, что испытаніе вончено; но я ошибся. Самая мучительная часть его еще предстояла мнѣ впереди. Въ это мгновеніе нѣсколько приближающихся выстрѣловъ возбудили вниманіе непріятелей. Они испугались за себя и опасались потерять свою добычу; при этомъ въ тѣхъ, которые были менѣе надѣлены, снова пробудились жестокія чувства. Тогда быстро вскочивъ на лошадей, они понеслись назадъ, подхвативъ меня съ собою за руки и за волосы. Другіе сзади осыпали меня ударами. Они потащили меня такимъ образомъ до аріергарда Остермана, гдѣ, наконецъ, остановились!

Я запыхался, едва переводилъ духъ, падалъ почти безъ чувствъ, а они все еще осыпали меня ругательствами и побоями; собравшись, наконецъ, нѣсколько съ силами, и замѣтивъ русскій полкъ, съ полковникомъ во главѣ, я вырвался внезапнымъ усиліемъ изъ рукъ моихъ жестокосердныхъ враговъ и бросился къ начальнику, чтобы воспользоваться его покровительствомъ. «Я полковнигъ, какъ и вы», воскликнулъ я, «и плѣнникъ. Мы не обращаемся такъ съ вашими! Защитите меня отъ этихъ дикарей».

Съ этого момента мои физическія истязанія прекратились, но они замѣнились другими...

(*) У Сегюра — «Nikalé».
Т. CIV. Отд. II.

X.

Встрѣча Сегюра съ графомъ Остерманомъ.—Сраженіе при Пултускѣ.—Сегюра увозятъ въ Остроленку.

Встрѣченный мною полковникъ, котораго имя я желалъ бы знать, исполнилъ свой долгъ. Я былъ нагимъ, не могъ болѣе держаться на ногахъ: онъ снабдилъ меня плащомъ, велѣлъ подать лошадь и позаботился объ участи моихъ бѣдныхъ драгуновъ, порученныхъ мною его попеченію. Послѣ этого онъ послалъ насъ къ графу Остерману-Толстому, который меня узналъ.

Первая встрѣча моя съ этимъ генераломъ мнѣ вовсе не понравилась; обращеніе его со мною было слишкомъ надменное. Онъ былъ озабоченъ своимъ положеніемъ. Разбитый наканунѣ и подвергаясь въ эту минуту сильному натиску, онъ хотѣлъ знать въ точности, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Поэтому, заставивъ меня слѣдовать шагомъ, рядомъ съ нимъ, онъ сталъ меня допрашивать, притомъ еще тономъ начальнига, который требуетъ отвѣта. «Тамъ ли императоръ? Съ какими корпусами? Сколько ихъ числомъ?»—«Графъ, отвѣчалъ я, вы знаете меня; по крайней мѣрѣ, вамъ извѣстно мое имя, зачѣмъ же напрасно оскорблять меня этими вопросами, когда вы напередъ должны быть увѣрены, что ничто не заставитъ меня отвѣчать на нихъ».—«Какъ, милостивый государь!...» воскликнулъ онъ съ гнѣвомъ, въ порывѣ неудовольствія, «вы осмѣливаетесь!...» Но цивилизація тотчасъ же одержала верхъ, онъ совладаль съ собою, протянулъ мнѣ руку и ласковымъ голосомъ пожалѣлъ о моей участи; онъ даже забылъ на время заботы, неразлучныя съ его довольно затруднительнымъ положеніемъ, чтобы спросить о тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ онъ зналъ во Франціи. Его благородная вѣжливость и великодушная заботливость остались неизмѣнно тѣми же въ его главной квартирѣ въ Стрегочинѣ, и на другой день, при выступленіи, съ разсвѣтомъ, въ Пултускъ.

Эта первая ночь моего плѣна осталась у меня въ памяти. Мы помѣстились въ маленькой, но теплой и довольно опрятной комнатѣ; мебель состояла изъ стола, занимавшаго средину, нѣсколькихъ стульевъ и кровати, съ тюфякомъ набитымъ сомою. Не смотря на усталость, генералъ пожелалъ непременно уступить мнѣ эту кровать; онъ велѣлъ перевязать мои раны, изъ которыхъ одна была весьма серьезнаго свойства, и по моей просьбѣ приказалъ тоже осмотрѣть и перевязать моихъ драгуновъ. Онъ не позволилъ мнѣ встать, чтобы

раздѣлить съ нимъ нероскошную трапезу, а прислалъ мнѣ ужинъ съ своимъ адъютантомъ.

Въ это время въ комнату вошелъ блѣдный, сухощавый, высокаго роста и флегматичный на видъ челоуѣкъ съ раною на лицѣ. Это былъ Бенигсенъ, за нимъ вошли еще два генерала (*). Они казались весьма озабоченными, но продолжительное совѣщаніе ихъ было весьма спокойное. Они употребили на него часть ночи, имѣя передъ собою столъ, покрытый картами, съ которыми они соображались. Фельдмаршалъ Каменскій только что покинулъ ихъ, приказавъ всемъ отступить на Остроленку. Очевидно, они рѣшились здѣсь, за этимъ столомъ, послушаться этого приказанія, продолжать борьбу съ Наполеономъ и защищаться (**). Судьба захотѣла, чтобы я былъ

(*) Одинъ изъ этихъ генераловъ былъ, вѣроятно, дежурный генералъ графъ П. А. Толстой, другой, можетъ быть, генералъ-квартирмейстеръ Штейнелъ, или одинъ изъ начальниковъ дивизій?
Н. Ш.

(**) Здѣсь въ запискахъ Сегюра, очевидно, вкралась ошибка. Фельдмаршалъ Каменскій покинулъ армию только ночью съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) декабря въ Пултускѣ, приказавъ войскамъ отступить на Остроленку. Поэтому совѣщаніе, о которомъ здѣсь упоминаетъ авторъ, не могло имѣть мѣсто въ Стрегочинѣ, но могло происходить только въ Пултускѣ, въ слѣдующую за тѣмъ ночь. Если же накануне русскіе генералы и совѣщались между собою въ Стрегочинѣ, то никакъ не о принятіи сраженія вопреки приказанію фельдмаршала, но, вѣроятно, по поводу появленія французовъ въ Пултускѣ, занятаго уже войсками Багговута.

Дѣйствительно, въ продолженіе дня 13-го (25-го) декабря самъ фельдмаршалъ полагалъ еще возможнымъ оказать французамъ отпоръ. Съ этою цѣлью, по мѣрѣ приближенія войскъ къ Пултуску, графъ Каменскій приказывалъ ставить ихъ на позицію, «рѣшая принять сраженіе, чтобы дать армии время собраться, вытащить изъ гривы обобы и артилерію» (Михайловскій-Данилевскій: описаніе войны 1806 и 1807 годовъ). Тогда же онъ писалъ графу Буксгевдену: «Завтра надѣмся имѣть непріятеля въ гостяхъ. Хорошо, если бы дивизіи ваши (Тучкова и Доктурова) могли подоспѣть къ дѣлу, хотя безъ большихъ пушекъ». Въ вечеръ 13-го (25-го) декабря фельдмаршалъ обѣхалъ позицію, ведѣ пріивѣтственнымъ радостными восклицаніями войскъ, питавшихъ къ нему безпредѣльную довѣренность. Но онъ уже не былъ въ силахъ вести армию въ бой, съ нетерпѣніемъ ожидаемый войми отъ генерала до послѣдняго солдата. Ночью съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) декабря, графъ Каменскій измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе. Бушевала буря, пронзительный вѣтеръ разметывалъ биваки русскихъ и французовъ, дождь и снѣжные хлопья затмѣвали воздухъ. Фельдмаршалъ изнемогалъ силами. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго: «бремя заботъ и ответственности, усугубляемое частыми порывами гнѣва, подавило старца, лишило его сна и довѣренности къ себѣ. Среди боренія стихій боролся онъ самъ съ собою». Наконецъ онъ послалъ за Бенигсеномъ, и когда тотъ явился, было три часа пополудни, онъ вручилъ ему повелѣніе о «ретирадѣ изъ нашихъ границы» и вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ въ Остроленку.

Для уясненія послѣдующихъ обстоятельствъ повѣствованія Сегюра повторимъ здѣсь вкратчѣ хронологическій порядокъ событій, начиная съ 11-го декабря: 11-го (23-го) декабря происходила ночная атака на р. Вкрв. 12-го (24-го)

свидѣтелемъ принятаго ими рѣшенія, которое ихъ едва не погубило, но которое увѣнчалось успѣхомъ и дѣлаетъ имъ честь (*). Они знали, что я состоялъ при Наполеонѣ: неоднократно взоры ихъ обращались ко мнѣ; но какъ бы ни было для нихъ драгоцѣнно получить отъ меня какое-либо указаніе, они, уважая постигшее меня несчастье, не пытались воспользоваться имъ, ни прямо, ни косвеннымъ образомъ.

декабря французы атакуютъ графа Остермана подъ Насельскомъ. Сегюръ вѣсть въ плѣнъ. Ночью съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) декабря Бенингсенъ, получаетъ въ Стрегочинѣ извѣстіе о появленіи французовъ (передовыя войска Данна) у Пултуска, занятаго войсками Багговута; онъ выступаетъ туда въ ту же ночь, подъ дождемъ и густымъ сѣвгомъ. 13-го (25-го) декабря передовыя войска Бенингсева пришли въ Пултускъ въ полдень, прочія же ввечеру и въ слѣдующую ночь. Изъ войскъ, отступавшихъ отъ р. Виры, нѣсколько полковъ были отрываны корпусомъ Даву, шедшимъ отъ Насельска къ Стрегочину. Ночью съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) декабря графъ Каменскій удаляется въ Остроленку. 14-го (26-го) декабря сраженіе при Пултускѣ. Н. Ш.

(*) Передъ отъѣздомъ въ Остроленку, ночью, съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) декабря, фельдмаршала графъ Каменскій вручилъ Бенингсену слѣдующее приказаніе: «Вы коръ-д'арме вашъ привели разбитый въ Пултускъ; тутъ ово открыто, и безъ дровъ, и безъ фуража; тому пособить надо, и такъ какъ вчера вы сами отнеслись къ графу Буксгевдену, думать должно о ретирадѣ въ наши границы, что и выполнить сегодня. Съ собой возьмите обѣ дивизіи коръ-д'арме графа Буксгевдена, Эссенову и Анрепову, которыя ретираду вашу прикроютъ. Вы имѣете состоять, съ полученія сего, въ командѣ графа Буксгевдена; онъ расположенъ въ двухъ миляхъ отсюда, въ Маковѣ». Графу Буксгевдену фельдмаршалъ приказалъ бросать на дорогу батареиную артиллерію, если она будетъ затруднять движеніе войскъ, и заботиться единственно о спасеніи людей. Начальникамъ дивизій главнокомандующій, прямо отъ себя, предписывалъ имѣть «ретираду» на російскія границы, «а какъ мнѣ въ Пруссіи дороги неизвѣстны, то самимъ генераламъ и бригаднымъ командирамъ навѣдываться о кратчайшемъ трактѣ къ нашей границѣ, къ Вильнѣ и ниже по Нѣману... «а вошедъ въ границу послѣ такого несчастія, явиться къ старшему». Историкъ второй войны Императора Александра съ Наполеономъ, Михайловскій-Данилевскій, справедливо замѣчаетъ, что предписаніе, данное графомъ Каменскимъ частнымъ генераламъ о томъ, чтобы каждый шелъ дорогою, которая признана имъ будетъ удобнѣйшею, непременно свидѣтельствуетъ о душевномъ его разстройствѣ. На наше счастье, Наполеонъ не могъ знать царствовавшей у насъ неурядицы и прислалъ сначала перепутанное отступленіе русскихъ войскъ и безсвязность нашихъ дѣйствій какому либо задуманному маневру. Это вызвало со стороны Наполеона промедленіе въ его наступательныхъ дѣйствіяхъ, спасшее нашу армію отъ окончательнаго пораженія.

Бенингсенъ рѣшился послушаться приказанія идти обратно въ Россію, и ожидать, напротивъ того, нападенія французовъ въ занятой подъ Пултускомъ позиціи. Самыя обстоятельства вынуждали его принять здѣсь бой. «Русскія войска, утомленные движеніемъ по весьма плохимъ дорогамъ, не имѣвшія при себѣ жизненныхъ запасовъ, при безостановочномъ отступленіи, подвергались совершенному разстройству, не могли бы соединиться и потеряли бы всю артиллерію и обозы. Напротивъ того, ставъ твердо у Пултуска, можно было замедлять противника и выиграть время для сосредоточенія силъ (Бодановичъ: «Исторія

Въ два часа по полуночи Остерманъ далъ мнѣ передъ выступленіемъ польскій, погушубокъ и ввѣрилъ меня прикрытію офицера и шести казаковъ. Первые часы этого перехода были очень неприятны: я провезъ ихъ на соломѣ, въ открытой телѣгѣ среди русскихъ войскъ, медленно подвигаясь впередъ, встрѣчаемый всюду грозными проклятіями. Неоднократно я ожидалъ быть проволотымъ ихъ штыками (?); я отбивался даже отъ нѣкоторыхъ ударовъ (?). Это неприятное положеніе кончилось только утромъ 14-го (26-го) декабря, когда мы вступили въ Пултускъ (*). Меня заперли въ каменномъ одно-этажномъ домѣ, хорошаго вида, въ комнатѣ съ каминомъ, который рѣдко встрѣчается въ этой странѣ. Я оставался здѣсь долго одинъ, предоставленный размышленіямъ, весьма грустнаго свойства.

Когда двѣ арміи, т. е. двѣ массы людей съ самыми противоположными и сильными страстями, готовы сразиться одна противъ другой, ничто не можетъ болѣе удивить и обезсилить плѣнника, какъ этотъ внезапный и рѣзкій переходъ отъ одной арміи къ другой; ничего не можетъ быть прискорбнѣе, въ особенности тому, который только что находился среди побѣдителей, какъ этотъ переходъ отъ могущества къ безсилію, отъ энергіи къ пассивности. Кажется, какъ будто васъ постигла скоропостижная смерть, за которой послѣдовало некупительное возмездіе въ другомъ мірѣ!

Однако, не смотря на все это, первое время плѣна не было для меня очень тяжелымъ. Я зналъ, что Уваровъ (?), адъютантъ Императора Александра, испыталъ одинакую со мною участь (**). Слѣдо-

царствованія Императора Александра I, томъ 2-й). Притомъ Беннигсенъ надеялся еще, что дивизія Андреа и Эссена успѣютъ придти изъ Попова къ Пултуску; между тѣмъ, ночью, фельдмаршалъ отиѣнилъ прежнее приказаніе и приказалъ этимъ дивизіямъ отступить изъ Попова прямо къ Остроленкѣ и тамъ соединиться съ Беннигсеномъ.

Принявъ 14-го (26-го) декабря сраженіе, вопреки приказанію графа Каменскаго, и не зная воли графа Буксгевдена, которому онъ былъ подчиненъ, Беннигсенъ принималъ на себя большую отвѣтственность. Но успѣхъ увѣчалъ собою бой подъ Пултускомъ, а «побѣдителей не судятъ». Императоръ Александръ пожаловалъ Беннигсену орденъ св. Георгія 2-й степени и 5000 червонцевъ. Графъ Буксгевденъ отклонилъ приглашеніе принять участіе въ Пултускомъ бою и остался въ Маковѣ въ бездѣйствіи.

Н. III.

(*) Судя по тому, что Сегюръ прибылъ утромъ, 14-го (26-го) декабря, въ Пултускъ, онъ долженъ былъ провести въ телѣгѣ цѣлыя сутки, слѣдуя съ войсками по дорогѣ изъ Стрегочина, хотя онъ совершенно умалчиваетъ о томъ, гдѣ находился ночью съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) декабря. Но для совмѣщенія указанныхъ Сегюромъ въ его разсказъ чиселъ съ дѣйствительнымъ ходомъ событій, нельзя придти къ другому заключенію.

Н. III.

(**) Намъ не удалось добиться, о какомъ Уваровѣ здѣсь говоритъ Сегюръ. Генералъ-адъютантъ Уваровъ, командовавшій въ то время гвардейской кавале-

вательно, обійтъ казался возможнымъ, и дѣйствительно, со стороны Наполеона послѣдовало подобнаго рода предложеніе. Въ Пултусѣ я чувствовалъ себя, впрочемъ, еще вблизи своихъ; вскорѣ раздался даже ихъ пушечные выстрѣлы. Не будучи въ состояніи видѣться со своими, я могъ, по крайней мѣрѣ, слышать ихъ; эта была послѣдняя связь, сохранившаяся еще между мной и ими. Я прислушивался съ безпокойствомъ; мнѣ казалось, что гулъ выстрѣловъ приближался; здѣсь, очевидно, завязалась ожесточенная битва. Артилерія пылаго Ланна была въ дѣйствіи; въ сожалѣнію, онъ подвергся поражению. Но въ это время онъ не былъ еще отбитъ; его первая атака сопровождалась успѣхомъ; выстрѣлы становились все болѣе отчетливыми; было даже мгновеніе, когда мнѣ показалось, что вокругъ меня распространяется тревога, предвѣстница пораженія.

Я провелъ уже нѣсколько часовъ одинъ, въ этой комнатѣ, не замѣтивъ ни разу приставленныхъ ко мнѣ людей. Могле случиться, что въ пылу сраженія, среди суматохи, вызванной поражениемъ, забыли обо мнѣ? Я открылъ окно, осмотрѣлъ каминъ, отыскивалъ вокругъ себя убѣжище, гдѣ бы мнѣ возможно было спрятаться на первое время и выждать внезапное вторженіе нашихъ войскъ, пользуясь при этомъ для своего спасенія безпорядкомъ, сопровождающимъ всякое поражение. Я рассчитывалъ на жителей: это были поляки, они содѣйствовали бы моему бѣгству?... Ко мнѣ вошла женщина; взоръ ея выражалъ живое участіе къ моей судьбѣ. Дружеская рука позаботилась вручить ей огромныхъ размѣровъ бѣлый хлѣбъ. Въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ я почти ничего не ѣлъ; совѣтъ другія заботы занимали меня. Я упрасивалъ ее глазами и знаками содѣйствовать мнѣ въ задуманномъ мною бѣгствѣ; но по выраженію ея лица и по данному ею знаку я тотчасъ понялъ, что за нами слѣдятъ вблизи. Она вышла, но, тѣмъ не менѣе, я не терялъ надежды, какъ вдругъ снова явился русскій офицеръ съ казаками. Они заставили меня сѣсть въ мою телѣгу и мы быстро двинулись по большой дорогѣ.

Участь моя была рѣшена; въ тотъ же вечеръ нѣсколько миль отдѣляли меня отъ поля сраженія. Къ тому же я не замедлилъ убѣдиться, что за мной весьма дѣятельно наблюдали. Если въ этомъ пустынномъ краѣ нужда заставляла меня удалиться на нѣсколько шаговъ, я былъ постоянно сопровождаемъ казакомъ съ обнаженной саблей. Точно также ночью, на ночлегѣ, одинъ казакъ не отходилъ отъ меня, внимательно слѣдя за всѣми моими движеніями; одной

рійской бригадой (кавалергардскій полкъ и конная гвардія), выступилъ только въ мартѣ 1807 года въ походъ.

Н. Ш.

рукой онъ держалъ пистолетъ, между тѣмъ какъ другой онъ дѣйтельно воевалъ съ тѣми отвратительными насѣкомыми, отъ которыхъ и я съ трудомъ оборонялся.

Съ этого времени ничто болѣе, никакая надежда, никакая опасность не развлекали меня въ моемъ несчастіи. Я бы долженъ былъ покориться своему положенію, но я, напротивъ того, упрекалъ себя въ своей неудачѣ, и давая волю пылкому воображенію, увеличивалъ только лежавшее на мнѣ бремя. Иногда тревожное воображеніе усилило меня въ среду своихъ; мнѣ казалось, я слышу, какъ они упрекаютъ меня въ моей безумной неосторожности, какъ будто они знаютъ о ней, тогда какъ всѣ тѣ, которые въ ней участвовали, были убиты или взяты въ плѣнъ. Иногда я представлялъ себѣ, что моя записная книжечка, въ которой было отмѣчено положеніе нашей арміи, найдена въ моей одеждѣ калмыками, сохранена ими и передана какому нибудь начальнику; въ сущности дѣло это было мало вѣроятнымъ и, въ счастію, вовсе не имѣло мѣста.

Итакъ, я увеличивалъ мои дѣйствительныя несчастія, создавая себѣ новое горе воображеніемъ. Это было тѣмъ болѣе неумѣстно, что императоръ не только не оуждалъ моихъ дѣйствій, но говорилъ въ билетѣ отъ 18-го (30-го) декабря, что, попавшись въ засаду, я сдался только, убивъ собственноручно двухъ неприятелей, что онъ требовалъ обмѣна, но что меня отправили въ Петербургъ.

Я сдѣлалъ лучше: на меня не напали врасплохъ, но я погибъ послѣ двухъ удачныхъ предпринятыхъ мною атакъ; императору эти частности дѣла остались неизвѣстными, но онъ старался по собственной догадкѣ отнестись ко мнѣ благопріятно. Онъ сдѣлалъ болѣе: написалъ письмо моему отцу, въ которомъ, не обвиняя меня въ постигшемъ несчастіи, даже хвалилъ мое поведеніе.

Такая благосклонность и столь отеческое попеченіе избавили бы меня отъ многихъ заботъ, если бы это было мнѣ тогда извѣстнымъ.

XI.

Встрѣча Сегюра въ Остроленкѣ съ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ. — Его удаляютъ въ русскіе предѣлы. — Путешествіе въ кибиткѣ черезъ Вѣлостокъ въ Гродно. — Сегюра считаютъ опаснымъ политическимъ плѣннымъ и отсылаютъ далѣе во внутреннія губерніи.

Оставшись одинъ съ моими шестью дикарями, я все-таки не падалъ духомъ; меня развлекала самая ѣзда, затѣмъ безпокоившія меня мысли, наконецъ, удовлетвореніе чисто матеріальныхъ потребностей; не знаю, было ли это слѣдствіемъ только что испытанныхъ мною

сильныхъ ощущений, или вслѣдствіе двухдневнаго поста, только мною овладѣлъ невыносимый голодъ, и я не знаю что бы сталося со мною, если бы не громадный польскій хлѣбъ, взятый мною изъ Пултуска, по совѣту приставленнаго ко мнѣ русскаго офицера. При другихъ обстоятельствахъ, подобный хлѣбъ хватилъ бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, на четыре дня, а я уничтожилъ его въ двадцать четыре часа: зрѣлище это чрезвычайно поразило сопровождавшихъ меня казаковъ (?).

На слѣдующій день, вечеромъ, мы приѣхали въ Рожаны. Тамъ, потому ли, что до полковника князя Т..., который былъ раненъ и поэтому находился въ этомъ городѣ, дошелъ слухъ о моемъ необыкновенномъ апетитѣ, или же потому, что этотъ русскій вельможа хотѣлъ чѣмъ нибудь разсѣяться, среди скуки, причиняемой ему раной, онъ велѣлъ пригласить меня раздѣлить его обѣдъ, который былъ уже поданъ. Я принялъ приглашеніе съ благодарностью, продолжавшеюся, впрочемъ, недолго, такъ какъ пришлось дорого заплатить за эту скудную трапезу, прерванную ссорой.

Мы начали съ обоюдныхъ любезностей и соболѣзнованій, я, сидя за довольно хорошо накрытымъ столомъ, онъ—лежа въ постели. Какъ вдругъ совершенно неожиданно этотъ полуобразованный князь обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Когда же, сказалъ онъ мнѣ, вашъ разоритель всеселенной прекратитъ свои опустошенія. Когда же онъ оставитъ въ покоѣ родъ человѣческій». Пораженный неожиданнымъ и неумѣстнымъ нападеніемъ, я отвѣтилъ съ живостью, «что русскимъ въ Польшѣ давать подобныя наименованія французамъ не подобаешь; что, во всякомъ случаѣ, если они пригодны, то только однимъ зачинщикамъ, и что въ теперешней борьбѣ не мы, а русскій Императоръ и прусскій король были зачинщиками».

Удивленный князь замолчалъ, а я всталъ, и мы разстались довольно сухо. Если бы онъ продолжалъ свои нападки, онъ былъ бы только грубъ; но онъ поступилъ хуже, и молчаніе его оказалось вѣроломнымъ. Вскорѣ читатель увидитъ, что вслѣдствіе его доноса, я едва не былъ сосланъ въ Сибирь (?). Онъ отмстилъ мнѣ, представивъ меня своему правительству непокорнымъ плѣнникомъ и обвиняя меня въ томъ, что я дерзнулъ въ его присутствіи нанести оскорбленіе его Государю (?!).

Пока онъ устраивалъ мнѣ это дальнее путешествіе, я отправился оканчивать обѣдъ въ моей гостинницѣ, болѣе довольный своимъ отвѣтомъ, чѣмъ прерванной трапезой. Гостинница была наполнена русскими кунцами; одинъ изъ нихъ сѣлъ противъ меня; онъ вниматель-

но всматривался въ мое лицо, сопровождая все это восклицаніями, знаками удивленія и необузданной радостью, предлагая налить мнѣ затѣмъ въ мой стаканъ все, что было лучшаго въ этомъ домѣ; наконецъ, я обратился за объясненіями къ моему караульному офицеру: «онъ увѣряетъ, что узнаетъ васъ», сказалъ мнѣ офицеръ. — «Это невѣроятно, я парижанинъ, а онъ, по вашимъ словамъ, астраханскій купецъ; эти два пункта слишкомъ удалены другъ отъ друга», возвратилъ я ему. — «Подождите, продолжалъ офицеръ, не были ли вы подъ Аустерлицемъ». — «Конечно». — «Не была ли ваша шляпа подвязана бѣлымъ платкомъ». — «Это дѣйствительно правда». — «Не протянули ли вы подъ конецъ сраженія руку помощи казаку, чтобы спасти его изъ ледяющей воды озера, въ которомъ онъ тонулъ». — «Это также правда». — «Итакъ, спасенный вами изъ этого опаснаго положенія казакъ, освободившись отъ захватившихъ его французскихъ солдатъ и выслуживъ срокъ, сдѣлаяся купцомъ и торгуетъ, слѣдуя за арміей, и теперь онъ передъ вами. По его словамъ, онъ узналъ васъ по чертамъ вашего лица, которыя врѣзались у него въ память, равно какъ по перевязкѣ вашей раны, ибо подобно тому, какъ и въ прошломъ году, бѣлое полотно окаймляло ваше лицо».

Дальнѣйшія сомнѣнія были невозможны: встрѣча эта была столько же пріятна, какъ и удивительна, и я пожалъ съ истиннымъ удовольствіемъ руку этого добраго казака (*).

По всей вѣроятности это было 28-го декабря, когда мы прибыли рано утромъ въ Остроленку, гдѣ находилась главная квартира русской арміи. Меня оставили въ гостиницѣ, въ большой залѣ. Множество офицеровъ суеилось въ ней. Я провелъ остальную часть этого дня, сидя въ углу дивана и болѣе чѣмъ когда либо чувствуя свое одиночество среди этой толпы. Она непрерывно мѣнялась, возрастая все болѣе и болѣе и утомляя меня своимъ любопытствомъ, принимая то шумный, то сосредоточенный, молчаливый и созерцающій характеръ. Они звали одинъ другаго, останавливались передо мной, сообщая другъ другу свои наблюденія, какъ это дѣлаютъ, рассматривая неизвѣстнаго, необыкновеннаго звѣря, котораго только что удалось поймать.

Дѣятельность этой главной квартиры, напоминая мнѣ довольно естественное и очень тягостное для меня любопытство, которому я долженъ былъ покориться; противоположность моего груст-

(*) О спасеніи Сегюромъ въ аустерлицкомъ сраженіи казака было упомянуто въ извлеченіи Записокъ, относящихся до кампаніи 1805 года. См. «Военный Сборникъ», 1874 года, № 3-й.

наго, личнаго свободы положенія, среди ихъ радостей, мнѣ столь чуждыхъ и враждебныхъ, но притомъ столь свободныхъ и полныхъ жизни, все это усилило и сдѣлало еще болѣе, чѣмъ когда нибудь, невыносимыми мои дѣйствительныя и воображаемыя страданія. Тѣмъ не менѣе, я долженъ былъ, однако, переносить устремленные единственно на меня взоры, держать себя съ достоинствомъ и даже казаться гордымъ, когда, въ концѣ концовъ, неудовольствіе замѣнялось изнеможеніемъ. Сколько разъ, въ особенности когда нескромное любопытство замѣнялось выраженіемъ состраданія, я долженъ былъ глотать слезы. Какъ бы дорого я далъ тогда за минуту уединенія. Я задыхался, но мнѣ удалось, однако, скрыть отъ враговъ свою слабость и сохранить должное достоинство.

На другой день обстановка перемѣнилась; мнѣ пришлось выдерживать другую борьбу, болѣе упорную, но менѣе трудную, такъ какъ ее не пришлось вести самимъ съ собою. Ко мнѣ присоединили плѣннаго офицера 13-го егерскаго полка, но столь опасно раненаго, что ему предстояло скорѣе умереть. Я припоминаю, что въ этотъ день насъ заключили однихъ въ билиардную залѣ, причемъ съ нами находились два офицера изъ русскаго штаба (*de l'administration russe*). Одинъ изъ нихъ былъ полковникъ Свѣчинъ. Они явились къ намъ, полные чувства искренняго доброжелательства и благороднаго великодушія. Свѣчинъ высказывалъ мнѣ въ самыхъ учтивыхъ и любезныхъ выраженіяхъ, когда въ комнату быстро вошелъ небольшого роста, сухощавый, грубый старикъ, съ калмыцкими чертами лица, одѣтый съ необыкновенной простотою, съ шляпой на головѣ; я присосанился и, не кланяясь ему, оставался въ неподвижномъ положеніи (*). Но Свѣчинъ стиснулъ мнѣ руку, сказавъ мнѣ на ухо: «кланяйтесь—это фельдмаршалъ *Каменскій*» (**). Я снялъ шляпу, фельд-

(*) Въ противоположность этому не очень лестному описанію вышней еязіономіи графа Каменскаго, приведемъ характеристику его, сдѣланную Бантыш-Каменскимъ въ его «*Біографіи російскихъ генералисимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ*»: «Графъ М. Ѡ. Каменскій былъ малаго роста, сухощавъ, широкъ въ плечахъ, вѣрнаго сложенія; лицо имѣлъ кругловатое, пріятное, свѣжее, брови густыя; въ обхожденіи страненъ и вмѣстѣ ласковъ; любилъ говорить на отечественномъ языкѣ».

Н. III.

(**) Отказавшись отъ предводительства арміею, поручивъ ее графу Буксгевдену, и удалившись въ Остроленку, графъ Каменскій хотя и утверждалъ: «Я волонтеромъ радъ быть, но не командиромъ», но на дѣлѣ онъ все-таки распоряжался еще нѣкоторое время въ тылу арміи, не извѣщая о своихъ дѣйствіяхъ графа Буксгевдена и Бенигсена, и часто вопреки тому, что было имъ приказываемо. Они жаловались Государю. Любопытно привести здѣсь выдержку изъ донесенія графа Буксгевдена Императору, по которому можно судить, какой хаосъ царствовалъ тогда въ русской арміи: «Поручивъ мнѣ армію, фельдмар-

маршалъ же тотчасъ съѣлъ и приказалъ своему адъютанту взять бумагу, перо и приготовиться писать. Тогда, безъ дальнѣйшихъ околичностей, онъ приказалъ мнѣ тотчасъ отвѣчать на вопросы, которые онъ мнѣ предложить относительно французской арміи. Я вѣжливымъ образомъ отказался, но онъ, не обращая на это вниманія, продолжалъ говорить. Я повторилъ свой отвѣтъ, прибавивъ, «что я слышномъ

шадъ входить въ распоряженія, которыя, при удаленности его отъ мѣстныхъ свѣдѣній и при неизвѣстности ему движеній нашихъ и непріятельскихъ, разстраиваютъ порядокъ. Я предписываю транспортамъ идти къ арміи, а онъ даетъ имъ другое направленіе. 25-й Егерскій и Финляндскій драгунскій полки мнѣ здѣсь необходимо нужны, и я велѣлъ имъ идти къ арміи, а фельдмаршалъ, неизвѣстно мнѣ почему, послалъ ихъ въ Россію; вѣдущихъ въ армію обращаетъ онъ назадъ въ Россію... Мнѣ приказываетъ то отступить въ Россію, то идти въ Прусію и закрыть Кенигсбергъ, то бить Наполеона, то расположиться на обширныхъ квартирахъ». Къ этому нужно еще прибавить, что, покидая армію, графъ Каменскій оставилъ войска подъ командою двухъ генераловъ, издавна враждовавшихъ между собою, грава Буксегдена и Беннигсена. Возникшія между этими генералами недоразумѣнія угрожали съ каждымъ днемъ окончательно погубить армію. Для довершенія всѣхъ бѣдствій, продовольствія не было. Солдаты доставали себѣ пищу, какъ могли: отступление при ненастьѣ и вочныхъ морозахъ, по дорогамъ, обратившимся въ бездонныя топи, а также голодъ и холодъ породили въ русской арміи небывалое зло — бродяжничество. Тьсячи мародеровъ разбрелись во всѣ стороны, грабили селенія и почтовые станціи, прерывая сообщеніе съ Россіею и попадая въ плѣнь непріятелю. Какъ мы уже выше упоминали, неминуемая гибель угрожала русской арміи, если бы испорченныя до-нельзя дороги (даже лошадей, навьюченный картами, кушаньемъ и бѣльемъ Наполеона потонулъ въ грязи) и суровость зимы не остановили наступательныхъ дѣйствій французовъ. Въ противоположность царствовавшаго у насъ беспорядка, наполеоновская армія была движима, напротивъ того, единствомъ мысли и воли великаго полководца, приказаніямъ котораго всѣ слѣпо повиновались.

Пробывъ нѣсколько дней въ Остроленкѣ, а потомъ въ Ломжѣ, и продолжая все болѣе запутывать дѣла, графъ Каменскій отправился въ Гродно; здѣсь онъ возымѣлъ намѣреніе снова возвратиться въ армію, но въ самый часъ отъѣзда, фельдмаршала остановилъ указъ объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго, съ повелѣніемъ жить въ Гроднѣ. Беннигсену было приказано принять начальство надъ арміею, а графу Буксегдену быть рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Ожидали тогда, что графъ Каменскій за свой дерзкій поступокъ будетъ преданъ суду; но, уважая старость и прежнія заслуги фельдмаршала, Императоръ Александръ великодушно простилъ ему самовольную отлучку изъ вѣрноподданной арміи. Мѣсяць спустя, графъ получилъ разрѣшеніе ѣхать въ деревню.

Между тѣмъ, Каменскій считалъ себя совершенно правымъ, и нисколько не сожалѣлъ, что своими странными дѣйствіями едва не погубилъ армію. Онъ писалъ Государю: «Мнѣ жить вездѣ равно, если лишень Вашей вѣстимы. Ей одной я дорожу. Одна она могла извлечь меня изъ уединенія, въ которое давно отсуденъ и по лѣтамъ и по болѣзнямъ, но она мнѣ возвратится, въ томъ надѣюсь на Васъ самихъ, на Бога и о томъ всеподданнѣйше увѣрить дерзая». Сыну же, графу Николаю Михайловичу (отличившемуся впоследствии въ Финляндіи и на Дунаѣ), находившемуся въ то время въ чинѣ генераль-маіора въ

дорожу его уваженіемъ, чтобы отвѣчать ему». Онъ пожалъ плечами, затѣмъ, судорожно вскочивъ, бросилъ на меня дикій взглядъ, полный угрозы, сказавъ при этомъ: «вы плѣнный, вы должны повиноваться!» и, повернувшись ко мнѣ спиной, онъ вышелъ столь же поспѣшно, какъ и вошелъ.

Я радовался за столь скорое избавленіе отъ обиднаго для меня вопроса; но Свѣяцъ продолжалъ по прежнему беспокоиться, удивляясь этой развязкѣ. Нѣсколько времени спустя, адъютантъ вернулся съ бумагой въ рукахъ. «Вы найдете здѣсь», обратился онъ ко мнѣ, «вопросные пункты, дѣлаемые вамъ фельдмаршаломъ. Онъ требуетъ, чтобы я тотчасъ принесъ ему ваши письменные отвѣты». Подобное упорство весьма меня раздражило. «Милостивый государь», возразилъ я, «вы слышали мой отвѣтъ фельдмаршалу; я его не измѣню и не имѣю къ этому прибавить ничего другаго. Положеніе мое требуетъ уваженія. Не утомляйте меня болѣе вопросами, отнынѣ совершенно

8-й дивизіи Эссена, онъ писалъ: «Я поручаю тебя Вогу, да сохранить тебя и честь твою; мою за чумѣ замарали, но чистое сердце утѣшается.. «Я не го- жусь болѣе къ походу». Узнавъ же, въ февралѣ, о предполагаемой пойдѣ Императора Александра въ армию, онъ поручалъ сыну сказать Государю: *«Отца твоего, не можши хорошо дѣлать дѣло Государево, лучше заготовь его оставить, нежели какъ испортить, спрашиваясь у друице; а самому видѣть бы мнѣ ничего нельзя было: не успѣлъ обвѣхать мѣста, да и въ дѣль шлоки нужды, а мои худенько видѣть; что голова и сердце у отца твоего прешня, но тѣло со- старѣлось къ биванамъ, да и къ вѣдѣ».*

Приведемъ еще слѣдующее оригинальное оправданіе дѣйствій графа Каменскаго, высказанное имъ нѣсколько лѣтъ спустя генералу Ермолову, посвятившему его въ 1809 году въ деревнѣ: «Всѣмъ извѣстно, сказалъ фельдмаршалъ, что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распушена для добыванія себѣ пищи и отгапыванія въ огородахъ картофеля; прибывъ въ армию, я увидѣлъ, что ей необходимо слѣдовало отступать къ Вислѣ (?!); мнѣ, къ концу моего долгаго поприща, показалось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Вугомъ: я могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіе пятидесяти шести лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армию. Я съумасшедшій» («Сочиненія Д. В. Давыдова», томъ 2-й).

Нѣкоторые писатели видятъ въ приказаніи Каменскаго отступить арміи къ нашимъ границамъ, нѣчто въ родѣ рѣшенія Варлаа-де-Толи отступить въ 1812 году до Москвы, выполненіе котораго должно было и въ 1806 году привести наполеоновскую армию къ вѣрной гибели. Но панегиристы этой своеобразной личности совершенно забываютъ при этомъ обстановку, при которой графъ Каменскій отдалъ приказаніе о ретирадѣ къ нашей границѣ кратчайшимъ трактомъ, который предстояло избрать самимъ генераламъ, такъ какъ ему, фельдмаршалу, дороги въ Прусіи неизвѣстны! Что же можетъ быть общаго между подобнымъ приказаніемъ, предписывающимъ каждому генералу идти дорогою, которая имъ признана будетъ удобнѣйшею, и свидѣтельствующимъ развѣ только о душевномъ разстройствѣ нѣкогда славнаго полководца, и стройнымъ съ другой стороны отступленіемъ русскихъ войскъ въ 1812 году, подъ предводительствомъ Барклая, ясно сознававшего преслѣдуемую имъ цѣль. *Н. Ш.*

неумѣстными, и которые вы сами признаете излишними, поставивъ себя на мое мѣсто».

Адъютантъ, повидимому, вовсе не походилъ на своего фельдмаршала (*). «Извините меня, милостивый государь», отвѣтилъ онъ, «я исполняю приказаніе; вы не знаете фельдмаршала Каменскаго; вы должны выпутаться изъ бѣды какъ для своей пользы, такъ и для меня; отвѣчайте, что хотите, только не поставьте меня въ необходимость передать фельдмаршалу вашъ отказъ; отъ этого могутъ произойти гибельныя для васъ послѣдствія». Свѣчинъ присоединился къ нему, уговаривая меня удовлетворить этой просьбѣ; онъ утверждалъ, что я имѣю дѣло со старикомъ, способнымъ на все по своей горячности (**).

Не смотря на просьбы, я стоялъ на своемъ и отвѣчалъ отказомъ. Адъютантъ замолчалъ и вышелъ; Свѣчинъ былъ въ отчаяніи: онъ предвидѣлъ какое нибудь насиліе; я этому не вѣрилъ. Однако, его предчувствіе сбылось, и, нѣсколько времени спустя, ко мнѣ вошли шесть казаковъ, съ пиками; они имѣли приказаніе связать намъ (мнѣ и другому офицеру) руки и вести насъ тотчасъ же пѣшкомъ внутрь Россіи.

Здѣсь нужно замѣтить, что уже въ продолженіе двухъ дней снѣгъ непрестанно падалъ большими хлопьями и покрылъ землю почти на футъ. Перспектива была незавидная. «Воспротивимся этому приказанію, сказалъ я своему товарищу въ несчастіи, котораго еще не совсемъ сломила лихорадка: будемъ здѣсь обороняться. Лучше намъ раненымъ быть убитыми въ этой комнатѣ, чѣмъ неизбѣжнымъ образомъ погибнуть въ снѣгу на большой дорогѣ».

Вооружившись тотчасъ чѣмъ попало, мы засѣли позади скамеекъ въ углу залы, вызывая казаковъ на борьбу. Они уже приближались, чтобы захватить насъ, когда Свѣчинъ, блѣдный и нѣмой отъ ужаса, бросился между ними и, остановивъ ихъ, воскликнулъ: «это варвар-

(*) Упомянутый Сегуромъ адъютантъ, былъ, вѣроятно, *П. П. Валусевъ*, неслучно находившійся при фельдмаршалѣ въ кампанію 1806 года. *Н. Ш.*

(**) Свидѣтель кампаніи 1807 года въ Прусіи, *Д. В. Давыдовъ*, характеризуетъ слѣдующимъ образомъ фельдмаршала Каменскаго. Признавая въ немъ блистательныя способности и основательныя и разностороннія свѣдѣнія, онъ говоритъ: «къ несчастію, эти качества были омрачены своеюравіемъ, доходившимъ до бѣшенства, злобнымъ до безчеловѣчья сердцемъ, и нравомъ весьма строптивымъ; малѣйшее возраженіе или противорѣчіе, ошибка подчиненнаго, движеніе непріятеля, не соответствующее его предположенію, лихоимство какаго нибудь чиновника, все это могло возбудить въ немъ страшный гнѣвъ, въ пылу котораго онъ все забывалъ» (Матеріалы для исторіи современныхъ войнъ изъ сочиненія *Д. В. Давыдова*, томъ 2-й, Москва, 1860 г.). *Н. Ш.*

ство! я не допущу насилія, которое безчеститъ русское имя». Въ то же время онъ приказалъ привести свою собственную крытую кибитку, въ которую онъ насъ посадилъ и отправилъ немедленно въ Бѣлостокъ.

Такимъ образомъ, этотъ великодушный поступокъ избавилъ насъ отъ пытки, на которую мы были осуждены рѣшеніемъ фельдмаршала. Мы разстались съ Свѣчиннымъ со слезами на глазахъ, сохраняя къ нему чувства глубочайшей благодарности, которыя раздѣлялъ со мною несчастный товарищъ, скончавшійся черезъ нѣсколько дней отъ ранъ.

Услуга, оказанная намъ Свѣчиннымъ, была дѣйствительно весьма велика. Погода стояла такая ужасная, что находившіеся при насъ офицеръ и казаки не могли перенести ее: они вынуждены были остановиться на три дни въ Тыкочинѣ. Оттуда мы быстро проѣхали до Бѣлостока; здѣсь одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ этого края принялъ въ насъ участіе и пріютилъ моего умиравшаго товарища (*).

6-го (18-го) января мы переправились черезъ Нѣманъ и вѣхали въ Гродно; я находился въ Россіи. Здѣсь начальствовалъ генералъ Обрезювъ. Меня повели къ нему; пріемъ его былъ сухъ и возбудилъ во мнѣ досаду. Я былъ почти нагой; одежда моя состояла изъ изорванныхъ военныхъ шараваръ, которыми пренебрегли калмыки, и изъ плохого польскаго полушубка, даннаго мнѣ Остерманомъ. Подобный бѣдственный наружный видъ не могъ, конечно, внушить почтенія; но такъ какъ никто не принималъ участія въ моей судьбѣ, я понималъ, что необходимо самому принять на себя эту заботу и противопоставить этому пріему гордость, принимая, не смотря на мои лохмотья, тѣмъ болѣе высокомерное положеііе.

Вслѣдствіе этого, я началъ жаловаться на недостойное обращеніе, которому я подвергался въ плѣну, будучи раненъ и обезоруженъ. Я сослался на свой чинъ, на положеніе, занимаемое при императорѣ, на имя моего отца, на воспоминанія, которыя онъ оставилъ въ Пе-

(*) Польскій магнатъ, о которомъ здѣсь упоминаетъ Сегюръ, вѣроятно, никто иной, какъ графъ Браницкій, въ родъ котораго перешло въ XVII столѣтіи мѣстечко Бѣлостокъ, преобразованное съ 1745 года въ городъ. По тильзитскому миру, бѣлостокская область, принадлежавшая со времени послѣдняго польскаго раздѣла (1795 года) Пруссіи, перешла къ Россіи. Существующій въ городѣ роскошный паладо Браницкихъ занятъ, съ 1841 года, по назначенію Императора Николая Павловича, женскимъ институтомъ. Собственно, городъ Бѣлостокъ купленъ въ 1802 году Фридрихомъ-Вильгельмомъ у Браницкихъ за 270,970 талеровъ; Императоръ купилъ его въ 1807 году у прусскаго короля за условленное вознагражденіе, сверхъ котораго должны были прибавить по счету 20,223 руб. сер. за оранжерейныя растенія и дворцовую мебель. Н. Ш.

тербургѣ, и прибавилъ, что, будучи ограбленъ, я имѣю право требовать отъ представителей русскаго правительства денежной помощи, выданной заимообразно и обезпеченной моею подписью.

Эти слова произвели желаемое дѣйствіе. Хотя и неохотно, но генералъ Обрезковъ приказалъ выдать подъ мою росписку 50 червонцевъ. Я добился также того, что, вмѣсто заключенія въ какой нибудь тюрьмѣ, меня помѣстили въ довольно опрятномъ домѣ одного еврея, гдѣ при помощи денегъ я одѣлся приличнымъ образомъ. Меня держали здѣсь въ столь строгомъ заключеніи, что даже еврея съ трудомъ допускали ко мнѣ. Въ продолженіе четырехдневнаго пребыванія моего здѣсь, онъ входилъ ко мнѣ ночью только на нѣсколько минутъ; на вопросъ мой о причинахъ этой строгости я узналъ, что меня считаютъ весьма опаснымъ человѣкомъ, имѣвшимъ нѣкогда отъ Наполеона порученіе руководить возстаніемъ прусской Польши и, кромѣ того, уже въ плѣну отозвавшимся непочтительнымъ образомъ объ Императорѣ Александрѣ; поэтому, за мной приказано учинить самый строгій надзоръ.

Этотъ *carcerо duro*, конечно, только въ смыслѣ полного уединенія, продолжался до восьми часовъ вечера 9-го (21-го) января. По наступленіи совершенной темноты, офицеръ и три гренадера явились за мною въ этотъ поздній часъ. Морозъ былъ весьма сильный; пара саней ожидала насъ на улицѣ: въ первыхъ помѣстился солдатъ съ багажомъ; меня посадили въ слѣдующихъ саняхъ; офицеръ расположился рядомъ со мною; спереди онъ помѣстилъ двухъ гренадеровъ, заставивъ ихъ сѣсть на наши ноги, говоря, что это ихъ согрѣетъ, но, по всей вѣроятности, чтобы воспрепятствовать мнѣ при случаѣ обратиться въ бѣгство. Когда все было готово, мы быстро тронулись въ путь.

Н. Шильдеръ.